

Анна Борисова
Там
Роман в трех актах

Действующие лица и исполнители

0.1
Анна
элегантная дама, 45 лет

Отрешенный, не вполне земной голос, каким в аэропортах делают объявления только по ночам, пригласил пассажиров рейса Москва-Лагос на посадку.

У Анны включилось ассоциативное мышление с твердой установкой на позитив. Лагос в Африке. Кого из африканцев мы любим? Пушкина.

Решила выпить за Пушкина. Он молодец. Правильно сформулировал. Счастье — фигня собачья. Покой и воля гораздо лучше.

Но ассоциативный ряд удлинился, тема тоста поменялась на ходу.

— За освобожденные народы Африки.

Мальчик за барной стойкой замигал телячьими ресницами.

— В каком типа смысле?

Не та генерация. Спроси его, кто такие Патрис Лумумба или Чомбе, предположит, что рэперы. Или растаманы.

В зрелые годы нужно выбирать собеседников из своей возрастной категории. Общие воспоминания, общий язык, общие шутки. А главное, все понятно без объяснений. Одна Аннина знакомая, лесбиянка Фиона из Нью-Йорка, тоже историк, в расслабленной обстановке, после джойнта, говорила, что именно в этом главная привлекательность однополой любви. Не надо ничего объяснять, не надо прикидываться. Тебя стопроцентно понимают, как не сможет понять ни один мужик, даже самый тонкий и умный. Слушать Фиону было интересно, но когда пролесбийанский дискурс перешел в фазу актуализации, Анна отодвинулась и поменяла тему. Быть объектом гомосексуального желания ей *не улыбнулось*, как говорили во времена ее студенчества. Или, как выражались ее нынешние студенты, *не покатило*.

«Объект желания». Термин из Аннинных колониальных времен.

Незабвенный Ю.А. любил порассуждать о сущностной противоположности корневых тендерных установок. Главный женский афродизиак — чувствовать себя объектом вожделения. Женщине очень важно быть желанной,

возбуждающей страсть. У мужчины наоборот: ему нужно желать и добиваться.

Философ, блин. Светило гуманитарной науки. Изрекал свои банальности с таким небрежным видом, будто мечет бисер перед хрюшкой, а она, дурочка, только замирала. Как глубоко, как точно!

Многие мысли Ю.А. когда-то казались Анне всесильными, потому что верными. Ха! Вот еще одна шутка, которой юный бармен сто пудов не поймет.

— Ю.А., you are history, [Ю.А., тебя больше нет (*англ.*).] — скаламбурила Анна вслух, любуясь на свое щекастое отражение в пустом бокале.

— Who is history?

Мальчик знает английский. Международный аэропорт, не хухры-мухры.

— Анкора, — перешла она на итальянский.

И опять он, умничка, понял. Снова налил. Лимончик положил. Воткнул свежую соломинку. Хорошую мы все-таки вырастили молодежь.

Положив подбородок на ладонь, она благосклонно рассматривала молодого человека.

Совсем дитё. Такие учатся курсе на третьем-четвертом. Черная бороденка клинышком, в ухе алмазная серьга. Страз, наверно. Или просто стекляшка.

Именно такие мальчики, худенькие и остроглазые, обычно навещали Анну в

эротических сновидениях. Сон, уже после разрядки, заканчивался всегда одинаково. Щупленький любовник прижимался к ее груди, а переполненная нежностью Анна гладила его по тонкой шейке и целовала в макушку. Диагноз ясен безо всякого Фрейда. Подсознание вытесняет образ мужчины-отца образом мужчины-сына. Вторая версия, народно-пасторальная: яловая корова тоскует по нерожденному теленку.

Анна фыркнула, потому что именно в этот момент брюнетик, у которого руки были заняты, мотнул головой, отгоняя муху. Как есть теленок!

Алкоголь определенно пробуждал в ней нерастраченный материнский инстинкт. Захотелось сказать несмышленишу что-нибудь доброе и мудрое.

— Юноша, у меня есть для вас хорошая новость. — Анна поправила очки и сделала торжественное лицо. — Знайте: у мужчины больше шансов найти счастье, чем у женщины. Потому что женщин, умеющих любить, на свете гораздо больше, чем мужчин, достойных любви.

— Честно? — равнодушно сказал бармен.

В его глазах читалось: наклюкалась тетка.

Еще не наклюкалась, сынок, с достоинством возразила Анна, мысленно. Но это придет. Жди.

Джин энд тоник средство проверенное. Ни разу не подводило. Секрет успеха в величине дозы.

Нужно пять коктейлей. Пока выпито три. Три пишем, два в уме.

Диктор по-английски воззвал к какому-то вылетающему в Женеву мистеру, которого срочно ожидают у гейта двенадцать. Неведомый мистер, наверное, тоже мандражирует где-нибудь в укромном закутке аэропорта.

Больше всего на свете Анна боялась летать.

Раньше этот страх у нее был на втором месте. Первое с большим-пребольшим отрывом занимал страх, что Ю.А. ее бросит. Семь лет назад главный кошмар ее жизни осуществился, и бояться стало нечего. Разве что перелетов. В момент, когда шасси отрывалось от взлетной полосы, Анну всегда охватывал животный ужас, который так называется, потому что поднимается из живота. По-нормальному дышать становится невозможно. То одни вдохи, то одни выдохи. Чейн-Стокс, а не дыхание.

Единственное, что помогало, это как следует надраться. Сделать местную анестезию. Чем Анна в настоящий момент и занималась.

Ирония судьбы заключалась в том, что теперь, когда Аннина карьера пошла в гору, летать приходилось все чаще.

В советские времена считалось, что историк не женская профессия. Ю.А. заявлял, что у женщин нет чувства времени, для них существует одно

вечное «сейчас». Теперь Анна возразила бы ему. Зато для нас всякое время живое. Если мы в него погружаемся, мы начинаем его чувствовать, а вам этого не дано.

Когда на бывшую рабу любви свалилась непрощенная свобода, Анна сначала, конечно, впала в нервное расстройство. Чуть было руки на себя не наложила, курица несчастная. Но как-то выжила. Огляделась, прислушалась к себе.

Что-то в ней уснуло, и, наверное, навсегда. Но что-то и проснулось. А именно башка.

На факультете, Анна знала, про нее за глаза говорят: не баба, конь с яйцами. Насчет яиц врать не станем, но мозги точно есть. Откуда ни возьмись закопошились мыслишки, научные идеи. Не брошенные с барского плеча великим Ю.А., а собственные.

Как раз и времена поменялись. То, что раньше было гандикапом, обернулось бонусом. Женщину-историка, особенно русскую, охотнее приглашают на международные конференции. Если вдуматься, в этом есть что-то унижительное. Любой научный чих, который, раздайся он из уст мужика, вызвал бы максимум сдержанную похвалу, исторгнутый женщиной-историком воспринимается на ура. Слава феминизму и да здравствует политкорректность!

Анне тут предложили возглавить кафедру.

Раньше она бы испугалась, замахала руками. Ответственность, административная работа, склоки всякие. А теперь подумала: почему нет? Вернется с конференции, нужно давать ответ. Пожалуй, единственный минус, что придется иногда видеть Ю.А. Все эти годы, узнав, что он будет на симпозиуме или на какой-нибудь научной тусовке, Анна уклонялась от участия. Завкафедрой себе такого позволять не сможет.

Семь лет она его не видела, с тех пор как ушла со старой работы на преподавание. Только пару раз по телевизору. Скоро семьдесят лет мужику, а все еще хорош. Красивый, маститый. Ну и умный, конечно. Это-то с годами тем более не проходит. Даже на экране видеть его было больноватенько. А наяву?

Ничего. Пускай и он на нее посмотрит.

Так замечательно Анна не выглядела и в двадцать два, когда пришла по распределению в отдел и сразу же, с самого первого дня, влюбилась в начальника. Безоглядно и навсегда. Как говорят ее студенты, *без тормозов*. Обидно, когда твоя жизнь укладывается в пошлый сюжетец из женской прозы. Пересказывается одним предложением: поморочил женатик девке голову лет надцать, до первого своего инфаркта, а потом образумился и вернулся к благоверной, брошенка же превратилась в старуху у разбитого корыта.

В женщину бальзаковского возраста, поправила себя Анна. Со времен Бальзака средняя продолжительность жизни увеличилась вдвое. Сегодня в бальзаковском возрасте, то есть в поре зрелого женского расцвета, пребывают Шэрон Стоун, Изабель Аджани, Мадонна, а им всем вокруг полтинника. Нам до этих возрастных высот еще пять лет карабкаться.

Во времена Ю.А. была Анна академической мышкой с хвостиком. Натуральным, какой резинкой стягивают. Черт-те как одевалась. А сколько лет промучилась с контактными линзами! Пока умные люди не объяснили, что правильно подобранная оправа — самый лучший способ подправить недостатки лица.

«Умные люди» работали в парижской фирме «Индис», сокращенное от Individual Styling. Как по-русски сказать? Поиск индивидуального стиля, что ли? Это совершенно новый, еще только зарождающийся бизнес с огромным будущим. Не путать с имиджмейкерами. Те подгоняют клиента под некий заданный имидж. Индисты, наоборот, ищут твой собственный образ. Так сказать, шьют костюм по фигуре. Анне, например, казалось теперь, что она всегда была именно такой: уверенной, элегантной и чуть-чуть стервозной.

Психологи, визажисты и дресс-дизайнеры из «Индиса» целую неделю тебя выпрашивают,

разглядывают, анкетируют, тестируют, а потом создают твой собственный индивидуальный стиль. Как одеваться, какую носить прическу, какую косметику, какую обувь и прочее, и прочее. Анна в ту пору читала спецкурс по российскому консерватизму в Paris IV. Весь гонорар убухала на поиски стиля. Более разумно потраченных десяти тысяч не знавала история человечества.

— Плесни-ка еще женщине бальзаковского возраста.

Пьянея, она легко переходила на «ты». Вообще все делала легко. Еще пара коктейлей, и можно в полет.

Мальчик проявил внезапную проницательность.

— Летать боитесь? Зря. Самый безопасный вид транспорта. В мире ежегодно гибнет в авиакатастрофах только тысяча пятьсот человек. В среднем.

— Только? — вздрогнула Анна и скорей отхлебнула.

— Для сравнения: в автокатастрофах каждый год квакается миллион двести тысяч. На машине же вас не ломает ездить?

Какой умненький мальчик, умилилась Анна. И хороший. Специально цифирь выучил. Дур вроде меня успокаивать. И джину налил щедро, не пожалел.

Она почувствовала, что уже допилась до этапа неудержимой болтливости. Мальчику придется потерпеть. Такая у него работа. Бармен все равно что психотерапевт.

Устроившись поудобнее, локти на стойку, подбородок на большие пальцы, Анна стала объяснять.

— Это не рациональный страх. Понимаешь, Земля — это тело, а Небо — душа. Когда взлетаешь, будто душа отрывается от тела.

— А вы что, в существование души верите? — спросил бармен скептически.

Нормальный русский разговор за выпивкой, подумала Анна. Начинается с народов Африки или любой другой белиберды, заканчивается непременно бессмертием души.

— Я агностик, — ответила Анна и вытянула через соломинку остаток сладко-горького напитка.

— Кто?

— Агностик — это человек, который открыт любым предложениям. Изобретателя Эдисона помнишь? Он, умирая, произнес замечательные слова. «Если после смерти что-то есть, это очень хорошо. А если ничего нет, то еще лучше». Сказал и помер. Вот и я такая же. Если б не бояться смерти, то даже любопытно. Столько всяких версий существует! Есть теория «выхода из тюрьмы». Будто все мы на самом деле обитатели другого

мира, который гораздо лучше нашего. А Земля это тюрьма, и мы сюда помещены за преступления. В зависимости от тяжести содеянного сроки у всех разные, но максимальный сто лет. Кто умирает в младенчестве, это мелкие хулиганы, кому дали типа пятнадцать суток. В тюрьме есть разные зоны. Общий режим это развитые страны. Строгий это как у нас. Особый это как в Африке. Отсидел свое, помираешь и возвращаешься на волю.

— Прикольно, — сказал мальчик.

— Другая теория называется «Пробуждение». Будто земная жизнь это такое сновидение. У кого кошмарное, у кого более или менее приятное. Насильственная смерть это когда спящему в ухо крикнули или грубо растолкали. Естественная, от старости, это когда мирно подрых до утра и спокойно проснулся. К теории сна примыкает теория комы. Ну, что ты сейчас находишься в коме и тебя посещают всякие фантомные видения, которые и есть земная жизнь. А смерть это ты выходишь из комы, к тебе возвращается сознание... В общем, на эту тему много чего напридумано.

Анну понесло, не остановишь.

— Лично мне было бы интересно, если бы после смерти мы становились звездами. Ведь откуда-то рождаются все время новые звезды? Для этого требуется вброс энергии. Что если смерть и есть такая энергетическая трансмутация? Если

душа была мощной, возникает новое солнце. Если хилая, то какой-нибудь мелкий астероид. Небесных тел во Вселенной столько, сколько жило и умерло людей. Это мое личное открытие.

Всю эту чушь Анна выдавала экспромтом. С ней такое бывало. Особенно после четвертого джина с тоником.

— Помнишь, как у Бродского? — взмахнула она рукой с длинными сиреневыми ногтями. — «А скоро, как говорят, я сниму погоны и стану просто одной звездой. Я буду сиять в небесах лейтенантом неба...» Не помнишь?

Анна расстроилась. Перед глазами все плыло и покачивалось. Чтобы разглядеть табличку на груди бармена, пришлось сощуриться и придвинуть дужку очков ближе к переносице.

*Влад Гурко / Vlad Gurko
Бармен / Barman*

— Влад? Что за имя? Владимир, что ли?

0.2 **Влад Гурко** **бармен, 21 год**

— Владислав, — сказал Влад. — «Влад» это чтоб «Славой» не звали. Отстойное имя «Слава».

Особенно с фамилией Гу рко.

В школе у него была кличка сначала Огурок, потом Окурок.

Дамочка наморщила нос, очки сползли с переносицы.

— Все вы теперь Влады, Максы да Сэмы. Владислав красивое имя. Особенно в сочетании с такой фамилией. Только не Гу рко, а Гурко . Древний шляхетский род. Был такой генерал-фельдмаршал Иосиф Гурко. Герой Балканской войны.

Вот теперь Влад понял, кто она. Из институтских преподав. По тону слышно. А муж бизнесмен или какой-нибудь шишак. У тетеньки в жизни все ровняк, по прикиду видно. Среди баб-преподав немало таких, кто не ради зарплаты тужится, а просто любит это дело. Чем плохо? Трындишь себе, а все слушают, и никто не пикни.

Он сам годик в институте поучился. Чего-то не поперло. Бросил.

С точки зрения родителей он лузер. Но это мы еще будем поглядеть.

Последний дар пэrentов блудному сыну — финансировали откос от военкомата. Исполнили родительский долг. За это им респект. За то, что забили на сынулю и оставили в покое — двойной. А чему и как учиться, он как-нибудь сам решит.

За фигом человеку институт? Там главному не

научат. Ибо сказал Учитель: «Сначала пойми, кто ты и зачем, а потом уже учись. Учись быть собой. Все прочее лабуда».

На самом деле никакого Учителя у Влада не было. Это он сам себе придумал. Как что толковое где прочитает, или сама по себе умная мысль в башку придет, вывешивает в своем блоге. Там у него ник «Учитель», аватар — Будда Гаутама. Страничка называется «Код Жизненных Правил». И пониже написано: «В стадии разработки. Но все равно заходите». Между прочим, многие заходят, и хорошие слова пишут, благодарят.

Про то, что будет после смерти, у Учителя тоже есть. Но Влад на теткино ля-ля не повелся. Несет какую-то хрень. Пожилая ведь женщина. Лет, наверно, тридцать пять на свете прожила или пятьдесят. Если чел до такого возраста дожил, а правильных книжек не читал и головой не думал, это глушняк. С такой париться, только зря прану переводить.

Учитель сказал: «Слепой — не тот, кто не может видеть, а кто не хочет видеть и сам закрывает глаза». Лично Влад намеревался прожить свою земную жизнь не вслепую. Глаза у него были открыты шире некуда, рецепторы настроены, уши как локаторы. Кое-что он уже повидал и понял. Но главное еще было впереди.

На ближайшие годы план был такой: посетить

на планете все главные Места Силы. Акупунктурные отверстия, где фокусируется торсионное излучение из Космоса и из Земного ядра. Если там найти правильную точку, ого-го как вставляет.

Пока он побывал только на тридцатой параллели, где египетские пирамиды. Очень нехило забрало. Зачет, однозначно. Месяц потом как на крыльях летал.

Следующим пунктом у Влада значились Тибет с Гималаями. Самое высокое место на Земле. Во всех смыслах.

Там что? Священная Курукшетра. Лхаса. Естественно, Эверест.

Но это вам не в Хургаду по горячей путевке сгонять. Бабла нужно немеряно. Главным образом на билеты. Все остальное в Индии и Непале почти даром.

Затем Влад и на эту работу устроился. Чтоб нарубить капусты.

Выход через ночь, очень удобно. Во-первых, народу мало, делать почти нефига. Смотришь телевизор, думаешь о своем. Во-вторых, ночью в аэропорту публика прикольной. Почему неясно, но факт. Или, может, у человека по ночам психика немножко свинчивается? В-третьих, ночные клиенты щедрей оставляют чаевые, а ради них родимых Влад сюда и нанимался.

Очкастая преподаша, например, отвалит по-крупному, это верняк. Пятый джин-тоник заказывает. И так уже назюзюкалась не по-детски, очки совсем с носа уползли. Самолет бы не пропустила, лейтенантша неба.

Смешивая коктейль, Влад думал уже не про Тибет, а про Мексику.

После Лхасы, после Эвереста, где стопроцентно находится посадочная площадка НЛО, нужно будет замутить поездку на Юкатан. Кто бывал, говорит, что пирамиды индейцев майя поставлены исключительно грамотно. Если забраться на самую верхушку в момент восхода солнца, окажешься на самой оси Земля — Космос. Люди, которые прошли через это, рассказывают, что такого кайфа словами не объяснишь. Оксанка, знакомая одна, клянется, что с пирамиды видела летающую тарелку и даже типа была на ней, просто инопланетяне ей потом память стерли. Вот бы куда попасть! А чего? Чем Оксанка лучше? Что летающие тарелки за нами наблюдают — давно доказанный факт. Кому положено, знают. А помалкивают, потому что нефига зря народ баламутить.

— Ой!

Бухая дамочка задела бокал рукавом, пролила весь коктейль на стойку, и стекло тоже треснуло.

— Разбилось лишь сердце мое, — грустно

сказала она, проведя пальцем по луже.

Нормально. Больше на чай оставит.

— Сейчас другой сделаю.

Он вытер лужу, а тряпку отжал в кадку с миндальным деревцем. Немножко алкоголя ему на пользу, особенно в период цветения. У растений все как у людей.

Блин, закуски на салатной стойке заветрились. Ночью их плохо берут, разве только соленое что-нибудь, к водке. Огурчики маринованные, оливки. Иностранцы любят каперсы.

Отстойная попса, которую гоняли по аэропортовской радиосети, ненадолго приумолкла, это снова вызывали какого-то мистера Ваду с женевского рейса. Наверняка летит по бизнесу, иначе ограничились бы одним разом.

В баре было почти пусто. В углу за столиком сидел дед в прикольных роговых очках, китаец или японец, по акценту не поймешь. Сорок минут пьет чашку зеленого чая. И еще, у стены, негритянка с маленьким ребенком. Забавный такой мулатик. Лицо кофе с молоком, а кудряшки золотистые. Бэби чего-то заверещал, захныкал. Ясное дело, устал, ночь уже.

И вдруг негритянка спокойно так задирает блузку до подбородка, а под ней ничего, один лифчик. Очень плотной упаковки, на два хороших арбуза. В шоколадной ложбинке сверкает золотой

крестик.

И это было только начало!

Негритянка спустила у лифчика одну чашку. Вынула здоровенную сисюндию.

Влада в жар кинуло. Полный пипец! Чего только на этой работе не насмотришься!

Грудь формой, размером и цветом как глиняная крынка. Вокруг длинного соска большой розовый круг, с кофейное блюдечко.

Главное, ребенок был не грудной. Еще недавно по диванчику колупался, попискивал что-то вполне членораздельное. Года два ребенку.

А негритянка, надо сказать, собою была очень ничего. Скуластая, губастая, пышные волосы перехвачены красной вязаной лентой. И молодая.

0.3/0.4

Гражина и Джулиан мать с сыном

Малыш сразу затих. Губки работали, как маленький, но приемистый насосик. Синие глазки сонно прижмурились. Умаялся, бедненький. Четыре часа лёта из Нефтеозерска, потом на такси из аэропорта в аэропорт, через московские пробки.

Гражина погладила сыночка по золотистой головке, сказала ему по-литовски: «Мой самый красивый мальчик на свете».

Восемь месяцев назад, когда она уезжала из Каунаса, все вокруг говорили: «Пора, Гражинуте, отучай его от груди». Но на новом месте Аманда, самая умная и тертая из девушек, посмотрев на Гражинин бюст, посоветовала по-другому. Пока молоко идет, пусть идет. И пацаненку здоровее, и тебе выгода. Закончишь кормить, пол-объема пропадет.

Гражина ее послушалась. Раньше, до родов, у нее грудь была четвертый номер, ничего особенного, а теперь стала шестой. Таскать тяжело, зато мужчины прямо с ума сходят. Думала, месяц лишний покормит. Ну два. А прошло больше полугода, и молоко все идет.

Бабушка рассказывала, когда после войны совсем плохо с едой было, у нее молоко четыре года не кончалось. И дядя Донце пил, и двоюродная тетя Неёле, и мама чуть ли не до детсада. Юлюкаса вот тоже не оторвешь. Ни на какие фрукты-йогурты сию не променяет. За зиму не болел ни разу, несмотря на холода. Авитаминоза весеннего не было. А еще успокаивающе действует. Засыпает как миленький. Буквально через пять минут. Доктор в консультации говорил, что в материнском молоке какие-то особые ферменты содержатся, с анестезирующим эффектом.

Юлюкас почмокал-почмокал, сосок выпустил и тихонько рыгнул, но пока не сытенько. Посопит,

передохнет, потом еще попьет-покушает.

«У вас же ребенок маленький, — сказала та женщина из агентства, когда уговаривала. — Вы должны о нем думать. О его будущем».

Вообще-то Гражина пришла в агентство совсем для другого. Хотела в Америку уехать, поработать массажисткой, а дальше как-нибудь там зацепиться. Другим ведь удается. Во-первых, к темнокожим в Штатах сейчас особенное отношение. Во-вторых, в Чикаго большая литовская община, восемьдесят тысяч человек.

Но женщина ее расстроила. Посмотрела заполненную анкету, покачала головой. Говорит, массажисткой в Америке можно работать только со специальным дипломом. На соотечественников тоже особенно не рассчитывайте. У чикагских литовцев с политкорректностью не очень. Темнокожей литовке они вряд ли обрадуются. Ну, вы понимаете, о чем я.

Гражина, конечно, поняла. Не маленькая.

Само собой, огорчилась. Хотела документы назад забрать, но женщина дверь поплотнее закрыла, окинула Гражину внимательным взглядом.

Не может быть, говорит, чтобы вы с такой внешностью, с такой фигурой одним только массажем на жизнь зарабатывали.

Гражина сказала, что два года назад, когда вообще без единого литаса осталась, устроилась

танцовщицей у шеста в ночном клубе «Лидо». Временно.

Женщина обрадовалась. «Я же вижу. Чувственная внешность, природная пластика, потрясающая сексуальность. Фантастические данные! Погодите-ка, у меня есть для вас очень интересное предложение». И перешла на шепот. Вы, говорит, только сразу не отказывайтесь. Хорошенько подумайте.

Но Гражина отказалась сразу, как только дослушала.

А хорошенько подумала уже после, дома, глядя на спящего в кровати Джулиана.

Пошла к отцу Юозасу, потому что привыкла во всем с ним советоваться. Он сказал то, что и должен говорить *кунигас*: смертный грех, погибель души, геенна огненная.

После этого Гражина еще два дня думала.

От слов отца Юозаса было страшно. Еще страшней от неизвестности. Пишут же в газетах всякие ужасы про судьбу девушек, которые уехали на такие вот заработки в Эмираты, Турцию или Японию.

Но Джулиан. Но квартира. Но Америка.

Даже если половина из того, что наобещала в агентстве ведьма-соблазнительница, вранье, все равно много получается. Очень много.

В общем, попросила Гражина у Девы Марии

прощения. Она тоже мать, Она поймет. И поехала.

Женщина из агентства говорила: «Вы только представьте, мужчины работают на износ, в очень тяжелых климатических условиях, ненормированный рабочий день, стрессы. Особенно у менеджерского состава. А деньги при этом получают большие. Колоссальные деньги. В отпуск все, как один, уезжают в жаркие страны, оттаять душой и телом. Отсюда взыскательность, привычка к хорошему сервису. Это ведь не валенки сибирские, у многих иностранные дипломы. Бизнес-проект, в котором я предлагаю вам поучаствовать, ставит целью подарить людям в приполярном Нефтеозерске кусочек южного солнца. Там открывается эксклюзивный клуб «Коралловый рай». Все девушки сплошь темнокожие. Условия на редкость привлекательные. Понимаете, профессионалки из Африки, Америки или Европы ехать туда боятся. Сибيريا, холод и все такое. Поэтому рекрутские фирмы по всему бывшему Советскому Союзу получили конфиденциальный заказ. Таких девушек, как вы, довольно много. Плод любви африканских студентов, которые когда-то учились в СССР».

Именно так и выразилась, по-старомодному: «плод любви». Она вообще очень интеллигентно говорила, та женщина.

Поразительней всего, что несколько не

наврала. Еще лучше получилось, чем она обещала.

Малыша Гражина взяла с собой, это было специально оговорено в контракте. Там ведь как, в Нефтеозерске? От дома до работы не то что рукой подать — вообще на улицу выходить не надо. На лифте поднимаешься со второго этажа в пентхаус, и все. Тот же самый отель, «Ойл-Лейк-сити», самый шикарный в городе.

Знающие люди предупреждали, что она разорится на бебиситтерах. Зарплаты в нефтедобывающих регионах ого-го какие, запросы тоже. Минимум тысячу в месяц выкладывать придется. Но все очень хорошо устроилось.

Днем Гражина была всегда с сыночком, в номере. Пока он спит после обеда, учила английский. Вечером, перед работой, уложит его, сказку почитает. Кто-нибудь из девушек, у кого месячные или просто выходной, просто счастливы с *Джулечкой* переночевать. Даже иногда ссорились между собой, чья очередь.

Потому что Юлюкас у Гражины золотистый *ангелас*.

— Больше не будешь?

Она вытерла ему мокрые от молока губки, потерлась носом о его мягкую пуговку. Джулиан засмеялся. Он всегда смеялся, когда Гражина так делала. Еще он очень любил, когда она начинала рассказывать ему про будущее. Слушал

внимательно-внимательно, словно все понимал.

«Mister Wada, Mister Wada, you are urgently requested to proceed to gate twelve», [Мистер Вада, мистер Вада, вас просят срочно пройти к выходу № 12 (англ.).] — объявили по радио, и Гражина все поняла, до последнего слова. Не зря аудиокурс английского наизусть вызубрила. Там есть отдельная глава «In the Airport».

— Вот мама выучит английский, накопит много денежек, и мы с тобой уедем в Америку. Там таких, как мы, много-премного. Никто не будет на нас пялиться. Тем более обзывать. В Америке за это делают атата.

— Атата, — повторил Юлюкас и улыбнулся. Его самого никогда не шлепали, но что такое «атата», он знал.

— Никто не будет спрашивать: «Как-как тебя зовут?» Там Джулианов сколько хочешь.

Гражинина мать, дура безмозглая, выбрала для дочки имечко. Как будто из-за этого темнокожая девочка станет такой же, как все. В детском саду у них было две Гражины, в классе три. А все равно по имени никто не называл. То Ириской, то Снегуркой.

— У нас с тобой на счете уже целых двадцать тысяч, — рассказывала она сыну дальше. — И еще почти восемь *наликом*. Вот тут, в поясе.

Она похлопала себя по животу. Юлюкас себя

тоже. Понравилось. Еще, еще. И так звонко расхохотался, что от стойки обернулась женщина в съехавших на сторону очках. Сделала ребенку пальцами «козу».

На себя за все восемь месяцев Гражина почти ничего не потратила. Только на сына. Плюс подарки от постоянных клиентов.

Кольцо с топазом.

Сумочка «Луи Вьюиттон».

Шарфики «Эрмес» четыре штуки.

Три пары золотых сережек.

Серебряная зажигалка «Монблан».

И это только те подарки, которые можно продать!

От дирекции клуба ничего плохого Гражина не видела. Мало того что за хорошую работу наградили неделей отпуска, так еще дорогу оплатили. Причем кружную, через Варшаву. Вошли в Гражинино положение. Она ведь маме сказала, что работает в Америке. А варшавским рейсом прилетает, потому что с пересадкой.

Одно ее тяготило. Восемь месяцев без исповеди, без причастия. Значит, придется идти к отцу Юозасу. И он уж выдаст за все сразу. Грехи-то отпустит, никуда не денется, но будет требовать, чтоб Гражина назад в Нефтеозерск не возвращалась. А как туда не вернешься? Контракт не отработан. И предлагают еще на год продлить.

За два-то года можно очень серьезную сумму накопить. Хватит и обустроиться в Америке, и специальность приличную получить. Не все же мандой на жизнь зарабатывать. Это грех тяжкий, и вообще противно.

Джулиан увидел, что у мамы лицо вытянулось, и у самого тоже губки изогнулись коромыслищем.

— Ладушки-ладушки, где были? У бабушки. Что ели? Ка-ашку. Что пили? Бра-ажку, — запела ему Гражина. Русская детская песенка, ее Сюзи всегда пела.

Через минуту мама с сыном снова улыбались. Потому что Юлюкас обожал про ладушки, а Гражина придумала, как быть с отпущением грехов.

Не к отцу Юозасу нужно идти, а в храм, который у рынка. Там священник ее не знает. Он старенький, и лицо доброе.

Как вон у того узкоглазого дедушки в смешных очках, что сидит над чашкой чая и, зажмурившись, все чему-то улыбается.

0.5

Шин Вада

старый маньчжур в смешных очках

Сегодня, ровно в полночь по токийскому времени, Подлинный Голос известил Ваду, что

настал последний день его жизни. В ранние годы Подлинность обращалась к нему очень редко. Но с возрастом, особенно в старости, Вада научился лучше слышать тихий голос, который не обманывает. Едва Вада сошел с самолета авиакомпании JAL и переместился в транзитную зону, чтобы дожидаться женевского рейса, Голос шепнул: «Сегодня».

Теперь старик сидел над остывшей чашкой плохого чая в баре, где завывало радио, и вел борьбу с самим собой. Борьба была отчаянная, не на жизнь, а на смерть. Или наоборот — не на смерть, а на жизнь?

За восемьдесят пять лет он преодолел много искушений, выдержал, наверное, тысячу трудных экзаменов. Но такого тяжелого на его долю еще не выпадало.

Неужели сегодня? О милосердный Будда...

В своей жизни Вада знал три сильных страсти.

Первая, юношеская, была такая: стать японцем.

Он родился и вырос в государстве Маньчжоу-го, где все было ненастоящее: император, правительство, сама страна, которой с точки зрения международного права не существовало. Но люди в этой игрушечной империи жили обыкновенные, настоящие. И чувства у них тоже были настоящие.

Мальчик с китайским именем, которое Вада через столько лет мог припомнить лишь с усилием, неистово мечтал быть японцем. Японцы были самые сильные и красивые люди на свете. Они ничего не боялись, их дух был крепче стали, огромный Китай склонялся и трепетал от их чеканной поступи.

В школе детям рассказывали про мужественных самураев, презирающих смерть. В газетах писали про летчиков-истребителей, которые таранят вражеские «летающие крепости» и без колебаний обрушивают свои «Мицубиси-А6М1» на палубу американских авианосцев.

Мальчик хотел стать солдатом. Шла война, и эту мечту было легко исполнить. Но он не хотел служить в смехотворной маньчжурской армии и прорвался в японскую авиашколу. Курсантов там били палками, плохо кормили, давали спать по четыре часа в сутки. Из восьмидесяти человек до выпуска дошла четверть, но Вада, которого тогда звали по-другому, был среди них первым.

В истребители его все равно не взяли, только в транспортный полк. Потому что он не был японцем. Когда по той же причине его не приняли в Особую эскадрилью Божественного Ветра, пилоты которой давали клятву не возвращаться с задания живыми, он заплакал от бессилия. Мечта ускользала, оставалась недостижимой.

В самый последний день войны, когда советские десантники уже захватили императора Пу И, а генералы Квантунской армии стрелялись в своих бункерах, молодой летчик вывез из Синьцзина тридцать женщин и детей. Это были семьи японских офицеров и чиновников.

Мужчинам места не хватило. Они попрощались с родными на взлетной полосе и остались в городе, куда уже входили вражеские танки.

При расставании никто не плакал, хотя и остающиеся, и улетающие были обречены.

«Дуглас» был старый и неисправный, довоенной сборки. Горючего в баках для перелета через Японское море хватить не могло.

Глядя, как провожающие кланяются пассажирам и с улыбкой машут им рукой, пилот жалел лишь об одном: что умрет не японцем. Только японцы умеют расставаться навсегда, улыбаясь.

Надежда на спасение была только одна, совсем слабая. Попутный ветер.

Но через полчаса из облаков вынырнул американский «грумман», пронесся наперерез, полоснул очередью из крупнокалиберного и полетел себе дальше. Добивать не стал. Наверное, не осталось боезапаса. Но «Дугласу» хватило и одной очереди.

Она разбила фонарь кабины. Одна пуля прошила летчику легкое, другая задела голову.

Дырку в груди он заткнул выковырянной из комбинезона ватой, но от черепного ранения почти ослеп. Море слилось с небом, пилот не мог отличить одну синеву от другой.

Жена полковника Судзуки, у которой была сильная близорукость, надела ему на залитое кровью лицо свои очки, круглые, в роговой оправе. Снова стал виден горизонт, отделивший море от неба. А потом произошло чудо. Сильный ветер подхватил дырявую машину и понес на восток, к полуострову Ното.

Госпожа Судзуки подарила ему свои очки на память. Он проносил их всю жизнь, ни разу не уронил. Только стекла менял. Другая пассажирка, вдова майора Вады, попросила летчика-маньчжура стать ее приемным сыном.

Так осуществилась первая мечта, он стал японцем.

Правда, наступили времена, когда сами японцы все сплошь захотели стать американцами.

И у Вады появилась новая страсть — разбогатеть.

Новая родина пребывала в нищете и унижении. Зрение у него не поправилось, про работу по специальности следовало забыть. В любом случае гражданской авиации было ни к чему

такое количество военных летчиков. Многие из тех, кто уцелел в лобовых атаках, спивались или накладывали на себя руки.

Но Вада не думал о смерти, он думал о богатстве. И не только думал. Действовал.

На ломаном велосипеде он стал доставлять конторским служащим обеды. Горячие, из дому. Получит у жены, в течение десяти минут доставляет мужу. За два часа успевал обслужить до пятнадцати клиентов. Через несколько лет на него работали семьдесят велокурьеров. Когда термосы подешевели и бизнес закончился, Вада переключился на лапшевни «Обед за восемь минут». Настоящие деньги потекли в шестидесятые, когда началась мода на супермаркеты. Но лишь на шестом десятке он позволил себе переехать из дощатой конуры в особняк и дал семье вкусить плодов богатства. А полностью утолил вторую свою страсть, когда понял, что думать про деньги стало скучно. Позднее он передал весь капитал фонду, который пытается вернуть Земле подпорченное промышленностью здоровье.

К этому времени Вадой всецело овладела третья obsессия. Она была самая жгучая и выражалась одним словом.

Умереть.

Восемнадцать лет назад частный самолет, в

котором вся семья мультимиллионера — жена, дочь с зятем, внуки — попал в тайфун на подлете к райскому острову Гуам. Сам Вада собирался присоединиться к своим два дня спустя, его задержали в Токио дела.

Добровольная смерть от тоски — это слабость, измена себе и своей карме. Он напоминал себе об этом каждый день и был честен с судьбой. Никогда так не следил за здоровьем, как в эти черные годы. Не давал себе ни малейшего послабления. Вот и теперь ехал оперироваться в Швейцарию, чтобы продлить муку бытия еще на несколько лет. Человек обязан вынести испытание жизнью до конца и не сломаться.

И вдруг Голос!

Вада сидел в пустом баре, прислушивался к себе.

Никаких сомнений.

Сегодня. И очень скоро.

Самочувствие у него нынче было приличное. Значит, не сердце.

Очевидно, самолет не долетит до Женевы.

Какой невыносимый соблазн приготовил для него изобретательный дьявол-искуситель Мара, который, как известно, является частью нас самих. Превратить свою жизнь в небесную радугу!

Ее начало — перелет через Японское море на «дугласе» в залитых кровью очках. Высшая точка

— «фалькон», проглоченный тайфуном близ Гуама. Конец — крушение «боинга» среди заснеженных Альп. Что может быть прекрасней?

«Last call for Mr. Wada! Last call for Mr. Wada!»[«Последний вызов для господина Вада!»] (*англ.*)] — призывал Мара нервным голосом.

Чувствовал, бес, что это искушение последнее.

Вада отпил холодного чая. У чая был горький вкус победы.

В обреченный самолет он не сядет. Но и остановить рейс не попытается. Нет, Вада не боялся, что его примут за сумасшедшего. Однако кто он такой, чтобы вмешиваться в карму других пассажиров? Если их Подлинный Голос ничего им не подсказал, значит, так надо.

Первое, что сделала победившая Жизнь, — заявила о своих правах через мочевой пузырь.

Старик в допотопных очках поднялся, засеменял в туалет.

До него от бара было не больше десяти метров.

Отделение для инвалидов оказалось занято.

Идти в мужской? Но в тесной кабинке возиться с мочеотводом очень непросто.

Подождать?

Из-за двери доносились приглушенные вздохи и стоны.

Вада знал по себе: когда инвалид справляет нужду, это надолго.

Придется все-таки в мужской. Слишком тяжело стоять.

0.6/0.7

Жан и Жанна молодожены

— Б!х.

— Аа!

— Б!х.

— Аа!

— Б!х.

— Аа!

Медовый месяц у них продолжался всего десять дней. Кто же отпустит с работы на целый месяц, да еще не в сезон отпусков? Тем более, решили они. Пусть эта декада запомнится на всю жизнь.

Всем известно, что такое медовый месяц. Период бешеного спаривания. Но что тут запоминающегося? Жан и Жанна спаривались уже полтора года, с того самого дня, когда впервые увидели друг друга. И влюбились с первого взгляда. Безумно. Как говорили в старину, до гроба. Даже еще сильнее.

В смысле спаривания Создатель наших тел

предоставил нам не так уж много простора для фантазии. Сколько можно придумать манипуляций и комбинаций из одного выпуклого предмета, одной (о'кей, двух) впадин и двух языков? Такая фрикция, сякая фрикция, изменение угла, немножко акробатики, полизать тут, пощипать там. Все это было давно уже пробовано-перепробовано, безо всякого свадебного путешествия.

Поэтому план поездки они составляли вдумчиво и обстоятельно. Креатив в основном обеспечивала Жанна, у нее было лучше развито воображение. Жан только соглашался и восхищался.

Девиз для медового месяца был предельно: «Желание».

Известно, что вечный враг супружеского секса — легкодоступность наслаждения и постоянная сытость, от которой всего один шаг до перекормленности.

Отсюда вывод: всю интригу нужно построить на искусном разжигании голода и его тщательно дозированном утолении.

Прежде всего решили исключить всякую прозу жизни. Никакой совместной чистки зубов, толчков локтем в бок: «Не храпи!», нетерпеливых призывов из-за двери: «Ты скоро с толчка слезешь?» Поехали в составе одной туристической группы, но по отдельности, чтобы в гостинице

номера были разные.

Фамилию Жанна оставила девичью, и молодожены делали вид, будто они чужие. Нарочно обзавелись каждый своей компанией и пересекались лишь эпизодически, на экскурсиях там или во время совместных трапез. Но держались друг от друга на расстоянии.

Лучший возбудитель — небольшая инъекция ревности. Для этой цели Жанна обзавелась платоническим ухажером, клерком из банка «Сельскохозяйственный кредит». Дядечка был такой безобидный, что жена без опаски отпустила его одного в Таиланд. Клерк смотрел на Жанну влюбленными глазами, два раза осмелился взять за локоть, но не более. Проблем с ним никаких не было.

Жан, это уж было ее условие, изображал студента Католической академии. В постных очочках а-ля «Махатма Ганди» он смотрелся овца овцой. Однако Жанна здорово ошиблась, думая, что воротник-стоечка уберезет мужа от домогательств. Одинокие бабы из группы липли к нему, как мошки на желтый цвет. Так что новоиспеченной супруге пресловутый возбудитель достался прямо-таки лошадиными порциями.

Притом что в дополнительных аппетитах, как вскоре выяснилось, никакой нужды не было.

Любовные свидания планировалось проводить

по одной штуке в день, без анкоров. Непременно украдкой, как бы случайно и всякий раз в каком-нибудь незабываемом антураже.

То на дискотеке, где темно и по лицам скользят разноцветные блики. Вроде как парень пригласил на танец незнакомую девушку, и вдруг ба-бах! — удар молнии. Сумасшедшая страсть. Оба, не обменявшись ни единым словом, удаляются в сад и там в кустах, беззвучно, предаются трем минутам первобытной страсти.

То в двухместной кабинке на 50-метровом колесе обозрения. Времени на все про все — один круг.

То в зеркальном лабиринте. Это была идея Жана, его вклад в креатив. Он разведal, что есть такой туристический аттракцион. Мало популярен у публики, а за полчаса до закрытия там вообще пусто. Звучало заманчиво, но на деле вышла вечная история, когда мужики проявляют инициативу: в теории все чудесно, а на практике получается фигня. Они вошли в лабиринт с двух разных концов и все тридцать минут проблуждали среди зеркал, пытаясь отыскать друг друга. Наконец сошлись в квадратной комнате. Все классно, миллион отражений в любых ракурсах. Но... только пристроились, только наладились, как слышались шаги сторожа. Семь часов, пора закрывать. Пришлось сворачиваться в темпе. Жанна была в

таком заводе, что даже разревелась.

Мужчине-то что, они свое всегда получают. Но она, бедняжка, за эту десятидневку наголодалась сполна. За все время успела кончить только один раз. Посреди бухты, на лодке, звездной ночью. Так заорала, что чайки с воды взлетели.

Одну ночь супруги все-таки провели вместе, но было не до любви. Это когда Жан за ужином ракушками отравился. Она тайком прокралась к нему в комнату. Ужасно жалела его. Лекарство подействовало не сразу, Жан каждые пять минут бегал в туалет. Потом, когда он, обессиленный, уснул, она сидела рядом с кроватью и просто смотрела на него. Странно, но, может быть, это был самый счастливый момент всей медовой недели.

Обратно группа летела с пересадкой, через Москву.

И тут Жанна решила отыгаться по полной. Отомстить сытому самцу за его эгоистичное физиологическое устройство.

В середине полета попросила мужниного соседа поменяться с ней местами. Якобы захотелось из окошка посмотреть на закат. Села справа от Жана, невинно так. Вся к иллюминатору вывернулась. А руку, левую, тихонько просунула ему под плед. Повозится там минуточек десять, убирает. Плед топорщится холмиком. Как только начнет спадать, она снова.

Жан, бедняжка, все это время был вынужден поддерживать благочестивую беседу со своей соседкой слева. Некая мадам Брикур, пенсионерка. Ее очень интересовали современные теологические воззрения на загробную жизнь и прочая ерунда. Он сидит весь красный, ерзает, того и гляди в штаны спустит, а она «блаженный Августин», «блаженный Августин».

Хотя вообще-то неизвестно еще, кого Жанна таким манером больше измучила, себя или мужа.

В московском аэропорту, когда вся группа дисциплинированно отправилась в ресторан, супруги, не сговариваясь, чуть не бегом кинулись искать место. Любое.

Жан увидел туалет, потащил жену в кабину для инвалидов.

Оглянулись — вокруг никого. Ночь все-таки.

Юркнули внутрь.

Он рванул с себя джинсы. Жанна — трусики, платье задрала до подмышек.

Сначала встала коленками на крышку унитаза, но это было неудобно.

Жан поднял ее, прижал спиной к стене. Жанна обхватила его ногами.

— Ых.

— Аа!

— Ых.

— Аа!

— Ых.

— Аа!

— Хххыаааааааааа!

Расцепились.

Он пошатывался. У него все плыло перед глазами.

Она села на унитаз. У нее подкашивались ноги.

— Давай... — Голос у Жана прерывался. — Давай каждый отпуск что-нибудь такое придумывать.

— Помоги подняться, — слабо попросила Жанна.

Посмотрелась в зеркало. Ну и видок. Все лицо потекло. Ужас.

Подобрала с пола сумку.

Придется все смыть к черту и накраситься заново. На люди с такой рожей точно не выйдешь.

— Ты иди, подожди меня где-нибудь. Тут какой-то бар рядом. Дай сюда салфетки...

Жан застегнул ремень.

— Да, я бы выпил. Тебе что взять? Кампари с грейпфрутовым?

Выходить надо было осторожно, для начала выглянув в щелочку. Не догадался.

Раскрыл дверь слишком широко, а в мужской туалет направлялись два каких-то типа. Ну и увидели, конечно, как Жанна перед умывальником

салфеткой вытирается.

Один, лощенный блондин, ухмыльнулся.

Другой, смуглый молодой парень в черном мешковатом костюме, брезгливо поморщился и сплюнул.

0.8

Муса

первый Исполнитель

смуглый парень в мешковатом костюме, 20 лет

«А-узу би-ллахи мин аш-шайтан ар-раджим!»

Прибегаю к Аллаху от Шайтана, побиваемого камнями!

Магическую формулу, что отгоняет дьявольское наваждение, за последние два дня Муса был вынужден произносить беспрестанно. Сколько диковинного, ужасного и даже совершенно невероятного насмотрелся он за эти два дня! Больше чем за все двадцать лет жизни. А ведь перед отправлением в Священный Путь он прошел месячный курс спецподготовки, где его, казалось бы, всему научили и ко всему подготовили.

Как нужно себя вести в *Дар-ал-харб*, на «территории войны», населенной неверными. Как ходить, чтобы не вызывать подозрений. Как

отвечать на вопросы цепных псов из паспортного контроля, таможни и службы безопасности. Как есть и как пить. Чего ни в коем случае не делать. Тысяча всяких хитростей и премудростей. Знания, почерпнутые за годы обучения в *Мадраса*, ко всей этой науке никакого отношения не имели.

Еще три дня назад он был среди своих, в голой комнате, единственным украшением которой было каллиграфически выписанное изречение Пророка.

А потом время, по воле Аллаха, замедлилось и стало тягучим, как мед.

Муса видел ночной город, освещенный разноцветными адскими огнями. Дороги, наполненные машинами. Огромные толпы людей, не похожих на людей.

Много, много всякого.

Уже дважды он пролетел по небу в самолете. Военная хитрость требовала, чтобы Муса попал к месту Последней Битвы не напрямую, а круглым путем, через страну узкоглазых.

В самолете работало «око Шайтана» — телевизор, про который учителя в *Мадраса* рассказывали столько страшного. Действительность оказалась еще омерзительней. Враг рода человеческого искушал Мусу соблазнительными картинками, но Муса посмотрел совсем немножко, одним прищуренным глазом, и зажмурился. На

экрane неистовствовали полуголые гурии, вращали бедрами, пели бесовские песни.

Известно, что в мире *кафиров* главенство принадлежит распутным женщинам. Они ведут себя там, как хозяйки.

Десять лет провел Муса в стенах своей *Мадраса* и за все это время не видел ни одной женщины. Только изредка, из окна верхнего этажа. Ученики пробирались туда украдкой, чтобы подсмотреть, как по улице грациозно двигаются черные, укутанные фигуры, полные соблазна и тайны. Даже мать с сестрами Мусу ни разу не навещали, чтобы не отвлекать от благочестивости.

Ну что сказать про женщин?

Теперь, когда Муса достаточно на них посмотрелся, он чувствовал разочарование. Вблизи они оказались не столь уж прекрасными. И совсем не таинственными. Они выставляли напоказ голые ноги, плечи и даже пупы, но на Мусу эти искушения действовали уже не так сильно, как позавчера. Тогда в очереди на паспортный контроль светловолосая бесовка задела его обнаженным локтем, и с Мусой случилась *джанаба*. Поскольку шахид освобожден от *тауба*, покаяния, Муса ограничился короткой очистительной молитвой и омовением, но все равно на душе остался стыд.

Вот и ныне, увидев то, что оскверняет взгляд, Муса испытал острое волнение плоти.

Учителя много раз говорили, что женщины неверных бесстыжи и безнравственны. Но одно дело слова, и совсем другое — увидеть собственными глазами развратницу, стоящую враскоряку перед умывальником и подтирающую срамное место в присутствии своего любовника!

Муса не сдержался и сплюнул, чтобы сок похоти не задержался во рту.

Связник потянул его за рукав.

— Пойдем, брат, пойдем.

Виновато опустив голову, Муса пробормотал извинение. Его ведь предупреждали, что на территории врага он увидит много мерзостей, ни в коем случае нельзя плевать или закатывать глаза, а очистительную молитву следует произносить лишь мысленно, без шевеления губ. Иначе вражеским соглядатаям, которые там повсюду, его поведение покажется подозрительным.

Они вошли вдвоем в мужскую уборную. Там было пусто, но связной предостерегающе поднял руку. Присел на корточки, заглядывая в кабинки снизу. На одну показал пальцем: кто-то есть.

Они подождали, делая вид, что мочатся. Что такое писсуары, Муса знал, ему показывали на картинке. Но справлять нужду стоя, по-собачьи, могут только кафиры.

Из кабинки вышел старик в очках с застывшей улыбкой на морщинистом узкоглазом лице.

Сполоснул руки, вышел.

Только теперь они крепко обнялись.

— Как я рад, что ты благополучно добрался сюда, брат, — сказал связной.

Они встретились всего пару минутоу назад, в обговоренном месте. Как будет выглядеть связной, Муса не знал. Нипочем не подумал бы на высокого белолицего блондина, стоявшего под рекламой кофе. Но блондин подал условный сигнал, и Муса последовал за ним.

Достаточно было обменяться несколькими фразами, чтобы понять: это человек большой учености, настоящий *муфти*. О, как красиво произнес он пароль, тридцать третий аят суры «Покаяние»! «Он — тот, который послал Своего посланника с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники».

Как чисто говорил связной на языке Книги! Даже лучше, чем сам Маулана Фатх, главный наставник *Мадраса*. Не говоря уж о Мусе. В училище он считался первым учеником по арабскому, потому что не просто вы зубрил Книгу наизусть, а мог понимать каждое слово. Отец мечтал, что Муса выучится на муллу, но судьба уготовила ему куда более завидную юдоль. Ибо сказал Пророк: «Лучше один час сражения на Пути Аллаха, чем шестьдесят лет молитвы».

Они вошли в кабинку и заперлись. Связной снял пиджак из дорогой, тонкой ткани. На шелковой подкладке золотом были вышиты латинские буквы W.A. Но и без золотых букв было видно, что это человек из богатой и благородной семьи. У себя в Пешаваре людей такого полета Муса не видывал. Наверное, сын имама или настоящего шейха. А что волосы светлые, так это нарочно покрасился. Чтобы обмануть врагов.

Вот как вознесся ничтожный талиб Муса! Вот какой человек его обнимает и называет братом. Воистину сладостна участь шахида.

Когда Муса исполнит Долг, его родные получат поздравление и устроят торжество. Они больше никогда ни в чем не будут нуждаться, потому что их семья произвела на свет Мученика Веры. Самого же Мусу ожидает ни с чем не сравнимое блаженство.

Сказано в хадисе Микдама ибн Мада, что Мученик получит Семь Особых Благ от Аллаха.

— Он будет прощен, едва лишь прольется его кровь.

— Он увидит свое место на Небе.

— Он обрядится в одеяние Веры.

— Он сочетается браком с семьюдесятью двумя прекрасными гуриями небесными.

— Он будет избавлен от кары могильной и Великого Ужаса в Судный День.

— Глава его будет увенчана Венцом Достоинства, яхонт которого прекрасней всего, что есть на земле.

— Ему будет даровано право молить Аллаха за семьдесят своих родственников.

Шахид попадает в Благословенный Рай безо всяких испытаний, без страшных мук чистилища ал-Барзах. Мученику Веры даже не нужно посмертного омовения. Но Муса решил, что все-таки взорвет бомбу над океаном, чтобы частицы его брэнного тела были орошены водой. Жалко лишь, что при жизни он так и не увидит, какое оно, море. Неужели действительно ничего, кроме воды, от горизонта и до горизонта? Воистину чудесны творения Господа!

Самолет лопнет и развалится. Душа Мусы вознесется прямо в *Джанна*, души двухсот *кафиров* ухнут в крошечный *Джаханнам*, и весь мир узнает, что воинство Джихада нанесло новый сокрушительный удар по американско-еврейскому *Иблису аш-Шайтану*.

У Иблиса в арсенале ракеты и атомные бомбы, миллиарды долларов и страшная Всемирная Паутина. У мусульман только Вера и Самопожертвование. Но победа будет за *Дар-ал-исламом*. Потому что Божий Дух сильнее Дьявольской Мышцы, а страдания правоверных зывают о возмездии.

В боговдохновенном трактате святого мученика Шейха Аззама «Присоединяйтесь к каравану» сказано: «Помыслите о миллионах мусульман, которых подвергают чудовищным унижениям и преследованиям, обрекая на жизнь в скотском состоянии. Они лишены возможности защитить свою честь, жизнь и имущество. Мужчина даже не может отрастить себе бороду, какая ему нравится, ибо это знак приверженности Исламу. Его жене не дозволяется носить длинных одеяний в соответствии с законами Ислама, ибо это почитается преступлением. В иных странах мусульманским женщинам не разрешают прикрывать волосы, а полицейские имеют право среди ночи взять мусульманскую девушку за руку и увести туда, куда им угодно».

В том, как неверные глумятся над мусульманами, Муса убедился и сам. В предыдущем аэропорту его, одного из всей очереди, увели в закрытую комнату. Не только всего обшарили руками, но еще раздели догола и сунули в нечистое место палец в резиновой перчатке! Он стерпел все изымательства, потому что знал: скоро воздаст *кафирам* сполна.

Враг силен и подл, но воины Господа изобретательнее и умнее.

Неверные ничего не нашли у Мусы и отпустили его. Глупцы! Они не знали, что в

транзитной зоне он встретится со Связным.

Под дорогим пиджаком у брата был жилет. По виду самый обыкновенный. Но когда брат его снял и передал Мусе, ткань оказалась толстой и мягкой, будто наполненной каким-то живым веществом.

— Твое место близ окна, — стал объяснять Связной, помогая Мусе надеть жилет. — Когда ты будешь готов, надави вот на этот бугорок. «Сокрушительное извержение» прорвет шкуру «железной птицы».

Связной так выразился, потому что в Коране нет слова «взрыв» и тем более слова «самолет». Муса почтительно слушал наставление, хотя все это ему много раз объясняли во время спецподготовки.

— Перед самой посадкой в «железную птицу» тебя ожидает еще одна проверка. Улыбайся. Не суетись взором, но и не смотри в одну точку. Они ничего не найдут. Их хитроумные устройства не смогут обнаружить сие зелье. Если даже раздастся звон тревоги, не беспокойся. Зазвонит пряжка пояса или мелкая монета в кошельке. Они могут тебя даже ощупать своими погаными руками, но потайное вместилище без рукавов мягкое, как плоть. Тебе нечего страшиться.

А Муса и не боялся. Во всяком случае, сейчас, когда жилет был уже на нем. Нажать на клапан он всегда успеет, так что в плен его теперь точно не возьмут.

Нет ничего ужасней, чем оказаться в плену у неверных.

В *мадраса* показывали видеозапись, снятую в иракской тюрьме. Как охранницы-кафирки заставляют мусульман голыми ползать на четвереньках. Как полицейские собаки с черными, морщинистыми мордами хватают скованных наручниками людей за горло. Таких собак, с тупыми жабыми рылами, Муса боялся с детства. Называются они «бульдоги». Вцепится бульдог своими страшными челюстями — не отпустит. А еще в американской тюрьме Гуантанамо, на острове Куба, янки тайком подкладывают заключенным в еду кусочки свинины! Так вот опоганишься и даже не узнаешь.

Еще хуже американцев русские. В школе было несколько ребят из Чечни. Они рассказывали про русских военных и полицейских такое, что Муса заранее решил: если в московском аэропорту его схватят прежде, чем он наденет спасительный жилет, лучше разбить себе голову о стену. Или подавиться собственным языком.

А с жилетом что. Раз — и ты на небе.

Связной повертел Мусу и так, и этак.

— Хорошо. Теперь и пиджак сидит лучше.

Понимать его все-таки было трудно. Например, слово *миитаф* Муса не понял. В Коране оно ведь не встречается. Связной перевел:

малябис, верхняя одежда.

— Пойдем, брат, — сказал он. — У тебя еще полчаса. Посидим, выпьем *шай*. Хочу напиться твоей благодати.

Это был настоящий дар судьбы. Провести последние минуты на земле не в тоскливом одиночестве, а со своим. Муса чуть не прослезился.

Они сели поблизости, в маленьком баре. Там было темно и совсем мало людей.

Тот косоглазый старик.

Распутник из туалета.

Негритянская женщина с ребенком.

Еще одна женщина сидела у стойки, навалившись на локоть. Сбоку юбка у нее задралась, было видно ляжку в прозрачном чулке. Пришлось отвернуться.

Брат принес Мусе чашку чаю, а себе высокий стакан, в котором лежали куски льда и плескалось немного желто-коричневой жидкости — недостаточно, чтобы удовлетворить жажду.

— Что это, брат? — с любопытством спросил Муса.

— Виски.

О, как это хитро! Про человека, пьющего эту отраву, никто не подумает, что он мусульманин.

Связной мужественно отхлебнул из стакана и даже не поморщился.

— Горько? — шепотом спросил Муса,

сострадательно скривившись.

0.9

Уолфорд Эшли — он же Тарик бин-Вахф, он же Троц, он же Ястреб диспетчер, 300 лет

— В этот благословенный день даже ядовитое зелье слаще меда, — ответил Ястреб на цветистом языке Корана. И не соврал. Ничего лучше паршивого «Чивас-Ригала» в этом паршивом баре не нашлось, но никакой «Макаллан миллениум» по две тысячи фунтов бутылка не доставил бы ему столько наслаждения. Такого кайфа от обычного глотка виски Ястреб не получал за все триста лет своей гребаной экзистенции.

По обычному человеческому исчислению ему было в десять раз меньше, но протяженность земного бытия измеряется не календарными годами, а количеством исчерпанных жизней. Уолфорд Эшли, появившийся на свет Тариком бин-Вахфом, потом ставший Троцем, а ныне известный соратникам под кличкой Ястреб, на своем веку состарился четыре раза. Если считать, что у среднестатистического двуногого засранца от рождения до старости проходит семьдесят пять лет,

в сумме выходило аккурат три сотни годков.

Первая жизнь прошла в мраморном дворце, где журчали фонтаны, благоухали тенистые сады и все вокруг было белое либо зеленое. Мальчик с утра до вечера постигал Божественную Премудрость, ибо дед Абдалла свято верил в спасительность религиозного воспитания. Учили маленького Тарика не так, как этого пешаварского обсоска в его захолустной *мадраса*. Во дворец приходили лучшие богословы, истинные светочи Ислама. Никаких живых людей, кроме этих почтенных старцев, Тарик не видел, слуги не в счет, и потому вскоре сам тоже превратился в юного старичка. У него не было друзей, не было родителей. Зачем? Все мироздание заполняли две величественные тени: Аллаха на небе и деда, Его Наместника, на земле.

Вторая жизнь.

Она бурно началась, бурно шла и бурно закончилась. Однажды, когда Тарика везли домой из мечети, на «роллс-ройс» напали люди в масках и увели восемнадцатилетнего старца с собой. Он подумал, что его похитили ради выкупа, и вяло сказал себе: «На все воля Аллаха». Но один из похитителей сдернул с лица черную ткань, на худом лице горели воспаленные глаза. «Здравствуй сынок. Жаль, мать не дожила до этого дня». Оказалось, что у Тарика есть родители: парочка

полоумных леваков, причем мамаша, немка из группы Баадера-Майнхоф, к тому времени уже завершила свой шумный земной путь. Еще оказалось, что настоящее его имя не Тарик, а Троц, в честь знаменитого русского революционера. Никакого Аллаха, как выяснилось, не существует. А все зло на земле от американских империалистов и их прислужников вроде деда Абдаллы. Жизнь, которую Троц бин-Вахф провел с отцом, была короткой. Но такие жизни длинными и не бывают, а старятся от них еще быстрее, чем от изучения священных книг. Троц видел, как умирают те, кто хочет умереть. Видел, как убивают тех, кто умирать не хочет. Убивал сам. От всего этого он снова стал стариком. На последнюю акцию, с которой живым никто не вернулся, отец его с собой не взял.

Третья жизнь.

Самая тоскливая из всех. Узнав о гибели своего непутевого единственного сына, Абдалла умер. Его миллиард достался внуку, который из Троча снова превратился в Тарика. Он получил все, что могут дать человеку деньги. И лишился всего, чего они человека лишают. Становиться стариком в третий раз было мучительно. Он не умер только потому, что боялся смерти. Черт ее знает, что в ней было такого уж страшного, но боялся, и все тут. Должно быть, перед той последней акцией отец прочел этот страх в его глазах, потому и сказал: «А

ты с нами не идешь. Прощай».

Третью жизнь вытеснила четвертая, когда Тарик понял, почему он боится смерти, и понял, что боится ее напрасно.

Это произошло 11 сентября 2001 года. До того дня он относился к воинствующим исламистам с презрением. Это было что-то из его позавчерашней жизни. Но когда увидел, как самолет врезается в небоскреб, на Тарика снизошло озарение.

Он боялся не Смерти, он боялся Жизни! Боялся, что со смертью все не закончится, а начнется новая тягомотина, какая-то другая форма бытия, пускай не похожего на земное, но такого же неотвязного и нескончаемого.

Тарик смотрел на телеэкран в гостиной своего кенсингтонского особняка и не мог оторвать взгляд от черного дыма, что поднимался к небу из горящих зданий-близнецов. Это жизнью бывает много, а Смерть она одна! Она не обманет, прикидываться ничем не станет. Она — Черное Ничто.

Ему неистово захотелось влиться в эту Черноту, раствориться в ней без остатка.

Но откуда-то возникло твердое знание, что сделать это не так просто. Чтобы смерть оказалась Смертью, нужно принести ей жертву, сделать вступительный взнос.

Он стал про это думать. Так пришло новое

озарение.

Для того, чтобы Чернота была абсолютной, ей нужен ореол из ослепительных искр. Когда самолеты Ангелов Смерти врезались в небоскребы, во все стороны разлетелось три тысячи искорок, по числу погибших баранов, пожертвованных во всеожжение. Черному дыму необходим яркий огонь. Ибо дыма без огня не бывает. Ведь сколько раз слышал эту поговорку, а истинного ее смысла не понимал!

Так родился Ястреб. Прочее было вопросом техники.

Деньги деда плюс имя отца плюс знание исламской премудрости, засевшее в голове с детства, помогли обзавестись соратниками и вступить в контакт с Организацией.

Четвертая жизнь по силе ощущений была интенсивней секса и пронзительней кокаина. Главным образом из-за того, что она была последней.

Ястреб возглавил автономную ячейку, которая координировала свои действия с Организацией, но никому не подчинялась. Сегодняшнюю операцию с кодовым названием «Гром Небесный» он разработал и подготовил сам.

На это ушло полгода.

Все было тысячу раз проверено и перепроверено. Любые теоретически возможные

ситуации и неожиданности смоделированы и просчитаны на компьютере.

В двенадцати аэропортах, расположенных в разных точках планеты, диспетчеры одновременно *навьючивают верблюдов*. Предположительно треть из верблюдов струсит или сделает что-то не так. Вторая треть завалится на досмотре. Но третья исполнит все как надо. Минимум четыре самолета взорвутся в один день. Эффект будет сравним с 11 сентября. И это еще только предварительная иллюминация. Не более чем зарница перед настоящим ударом Молнии.

Ястреб еще не готов стать Чернотой. Когда он устроит свой финальный фейерверк, весь мир ослепнет от этого сияния.

Сначала Уолфорд Эшли, пресыщенный яппи, доучится в летной школе. Но его начиненный взрывчаткой самолет врежется не в глупый небоскреб, вместо которого выстроят новый, еще выше прежнего. Во всеожжение будет принесено здание-символ, который ничем не заменишь и заново не выстроишь. Капитолий, Биг-Бен, Кремль, собор Святого Петра, Лувр, Эйфелева башня. Что-нибудь в этом роде.

В последний миг Ястреб увидит великолепный сполох. И больше ничего. Настанет Чернота.

Верблюд все лепетал что-то на своем